

Гайдар не мог вернуться с той войны

23. 9. 94

Комс. правда. - 1994. - 23 февр. - с. 2.

НАШЕГО ПОЛКА

21 января
нынешнего года
детскому
писателю и
военному
корреспонденту
«Комсомольской
правды»
исполнилось бы
90 лет. Свой день
рождения он
любил отмечать
23 февраля

Аркадий Гайдар заглянул к нам на улицу «Правды» в первых числах июля 1941 года. Он сел в кресло напротив Бориса Буркова, тогдашнего редактора «Комсомолки», а собака, которую привел с собой, наострив уши, развалилась у его ног.

В общем-то, Бурков с Гайдаром были не так уж чтобы очень хорошо знакомы — примерно за полгода до войны их как-то свел в Союзе писателей Александр Фадеев. Потом, правда, раза два встречались на разных совещаниях. Однажды в перерыве даже пропустили по стопочке коньяку — Гайдар сам пригласил Буркова в буфет: «Угощай!»

Кажется, тогда же за рюмочкой и рассказал про себя забавный эпизод: «Представляешь, иду вечером по улице Воровского, остановился трубку раскурить. Вдруг слышу: «Эй, ты, чего встал? Проваливай!» Только тут заметил на стене табличку с латинскими буквами — какое-то посольство там было. Зло взяло: зачем же хамить, неужели нельзя по-человечески? Ну и брякнул охраннику: дескать, бомбу, браток, велено бросить. Выскочили дюжие молодцы, скрутили, увезли. Разобрались — отпустили...»

В таком же «бомбистском» настроении пришел Гайдар и в «Комсомолку»:

— Ты же знаешь, Борис, я командовал в гражданскую полком. А врачи с военкомом как говорились: не годен! Как же им не стыдно не пускать меня на фронт!

Гайдар так разгорячился, что даже его черный пес, вдвывая холку, зарычал.

— Не горюй, друг, ребята мне помогут... Борис, умоляю, пристрой на фронт!

— Ну как я мог ему отказать? — в голосе Бориса Сергеевича и сейчас звучат едва уловимые виноватые нотки. — Да он бы и не отстал. Не через «Комсомолку» — так через какую-нибудь другую газету прорвался бы на передовую. Да и, что греха таить, нам льстило, что к нам во фронтовые корреспонденты притисся сам Гайдар. Обратились в ЦК комсомола, в Главное политуправление Красной Армии, выхлопотали Аркадию в Генштабе пропуск на фронт как военкору «Комсомольской правды».

19 июля Гайдар пришел на «этаж» уже без собаки — в военной форме, с орденом «Знак Почета» на груди. Когда Бурков подписал ему удостоверение, крепко пожал руку: «Спасибо, дружище, выручил...» На прощание даже не выжили — не то было время. Вышли на улицу, в скверик у ДК «Правда», щелкнулись на память. Через день детский писатель и военкор «Комсомолки» умчался в Киев, на подступах к которому уже во всю шли бои...

— ...Она, товарищ сержант, стоит на боевом взводе... Я думал: сейчас будет ракета и я ее тут же брошу.

Положение у Мельчакова незавидное. Он поторопился, и боек гранаты теперь держит

ся только зажатой в ладони скаковой. Вставить предохранитель, не зажигая огня, нельзя. Бросить гранату в лес, в болото нельзя тоже — будет сорвана вся разведка. Бойцы на ходу шепотом Мельчакова ругают:

— Ты куда, парень, к людям жмешься? Ты иди стороной или боком...

А. Гайдар. «Ракеты и гранаты». «Комсомольская правда», 4 октября 1941 г.

...Вот он останавливается, достаёт из кармана кيسет с крепким солдатским табаком, а из-за пояса — свою знаменитую трубку: черный слегка изогнутый мундштук, темно-коричневый чубук с рыжеватыми прожилками и золотистым ободком. Чиркает спичка — по редакционному коридору струится щедрое облачко горьковатого дыма. Черный пес чихает. Гайдар ухмыляется.

Про знаменитую гайдаровскую трубку вспоминал на днях и Михаил Иванович Котов, фронтовой корреспондент «Комсомолки», который был вместе с Аркадием Петровичем под Киевом летом 41-го:

— Он не расставался со своей «люлькой» даже в бою. И во время рукопашной атаки шел на врага во весь рост и с трубкой в зубах.

Однажды, это было в знойном августе, батальон нашей пехоты, в котором находились и мы, военкоры «Комсомолки», был прижат немецкими автоматчиками к зарослям высокого и плотного камыша. Что и говорить — мы подрастерялись. А тут как назло комбата ранили. И вдруг голос Аркадия: «Слушай мою команду!» «Камышовая операция» обернулась для противника нашей неожиданной контратакой. Благодаря Гайдару удалось и бойцов вывести из западни, и спасти комбата. Когда раненого командира увозили санитары, он, помнится, сказал: «А где товарищ писатель? Спасибо ему...»

...На берегу, на полотнящих палатках, лежат ожидающие переправы раненые. Вот один из них открывает глаза. Он смотрит, прислушивается к

нарастающему гулу и спрашивает:

— Товарищи, а вы меня возьмете?

— ...Слышишь? Это, обеспечивая тебе переправу, за девять километров открыли свой могучий заградительный огонь батареи. ...Мы перейдем реку спокойно... Ты будешь здоров, и ты еще увидишь гибель врага, славу своего народа и свою славу...

А. Гайдар. «У переправы». «Комсомольская правда», 8 августа 1941 г.

...Улыбчивый, широкоплечий, в выцветшей гимнастерке. Он стоит у меня перед глазами — живой и невредимый, такой, каким я видел его еще в мальчишеских грезах, когда этот честный, веселый и надежный человек неожиданно ворвался в мою жизнь и стал не просто любимым писателем. Он был моим кумиром, идеалом.

В детстве я запоем читал и перечитывал его книги, знал наизусть многие страницы из «Военной тайны», «Голубой чашки». Я восторгался его фронтовыми очерками, которые впервые появились в «Комсомолке», а потом уже вошли в полное собрание гайдаровских сочинений.

— Военные вещи Аркадия рождались у меня на глазах, собственно, он сам был участником, а то и героем (не побоюсь этого слова) событий, которые потом описывал, — рассказал мне на днях еще один военкор «Комсомолки», который в 41-м вместе с Гайдаром работал на фронте, Владимир Георгиевич Лясковский. — Как сейчас вижу: мы подъезжаем к Каневскому мосту. А там — пробка: полуторки с ранеными, повозки с беженцами, наши отступающие подразделения... Аркадий ринулся на мост, я — за ним. Впервые тогда увидел другого Гайдара — не озорного и смешливого, а решительного и злого. Он метался по мосту и свирепо кричал: «К черту сбрасывай этот груз! Раненых — вперед!». Благодаря именно Аркадию тогда удалось избежать на мосту давки, паники и до полета вражеских бомбардировщиков обеспечить переправу.

...Протяжно воют «мессершмитты». Тяжело режут бомбардировщики. Они бросаются на мост стаями...

Один вражеский самолет качнулся, подпрыгнул, заматаясь и как-то тяжело пошел вниз...

— ...Пошли, пошли!

— Наши тронулись! Это обрадованные люди увидели, что тронулись и двинулись через мост наши машины.

— Значит, все в порядке!
А. Гайдар. «Мост». «Комсомольская правда», 20 августа 1941 г.

Эх, если бы тогда, в августе 41-го, Борису Буркову удалось бы удержать его в редакции... Гайдара вызвали на «этаж», так как понимали: обстановка под Киевом критическая, жизни писателя угрожает опасность. Но Аркадий пробыл только ночь. Бурков тогда еще подарил ему на память охотничий кинжал.

— Вот это вещь! — обрадовался Гайдар. — На фронте пригодится!

Наутро он уехал. Через некоторое время Бурков вновь попытался «выдернуть» его в Москву. Но тот не послушался.

Однажды меня больно резала фраза, которую произнес при встрече Тимур Гайдар: «Мой отец не мог такую войну пройти живым. При всем моем страшном горе я, мальчишкой, узнал о его гибели, понимал это очень хорошо. Потому что он всегда был там, где опаснее всего».

Вокруг гибели Гайдара много выдумок, которые и легендами-то не назовешь. Договорились даже до того, что якобы чуть ли не по приказу ставки Гитлера была организована операция по его уничтожению.

На самом деле, как свидетельствуют очевидцы, все было совсем не так. Партизанский отряд, в котором воевал Аркадий Петрович, разбили. Часть бойцов перешла за линию фронта, часть разбрелась по хатам, записалась в «зэты». С Гайдаром осталось пятеро.

26 октября они ночевали в селе Леплява в хате Степанов. Перед рассветом взяли продукты и собрались уйти в лес. Гайдар первым поднялся на железнодорожную насыпь. Со стороны леса прилетела пуля, которая попала ему прямо в сердце...

Вот такая простая правда. Так считает Тимур Аркадьевич, который уже несколько десятилетий ведет поиск материала о последних днях жизни отца.

Зачем о Гайдаре сочинять легенды? Гайдар сам — легенда. Красивая и немеркнущая. Потому что те идеалы, по которым он жил, на которых воспитывал своих читателей и за которые боролся — честность, мужество, любовь к Отечеству, готовность пожертвовать собой ради высокой цели, — они всегда были нашим главным капиталом, не поддающимся переоценке.

Александр ГАМОВ.